

*Протоиерей Александр Краля,
преподаватель КДС, кандидат богословия*

ЕВХАРИСТИЧНОСТЬ как церковность

Последнее время ведется очень много разговоров о том, что необходимо воцерковлять современных христиан. С этой целью проводятся различные мероприятия, конференции, круглые столы, в храмах, открытых ежедневно, находятся дежурные священники, готовые ответить на любые вопросы приходящих, проводятся огласительные беседы, не говоря уже об издании многочисленных книг и пособий, позволяющих ориентироваться в церковной жизни.

Воцерковление с этой точки зрения воспринимается как вхождение в Церковь, а лучше сказать – в храм, со всеми его традициями, уставами, преданиями. Обычно о том человеке, который знает, какой сегодня праздник, как строго необходимо поститься в тот или иной пост, перед иконой какого святого и какую молитву необходимо прочитать в различных жизненных обстоятельствах, как обратиться к священнику, и так далее – вот о таком человеке могут сказать, что он церковный. Другими словами, церковность воспринимается зачастую как некий багаж знаний, информации о церковной жизни. Но так ли это? Достаточно ли только внешних знаний о внутренней жизни Церкви для того, чтобы быть человеком церковным, чтобы воцерковиться?

Святитель Николай Кавасила, рассуждая о том, в каком состоянии христианину необходимо приступать к Евхаристии, говорит: «Ибо, чтобы достигнуть нам такого состояния, для этого недостаточно того, чтобы в известное время изучить все, касающееся Христа, и знать это. <...> Ибо если мы будем иметь только понятие о благочестии так, что когда нас спросят о нем, мы могли бы отвечать здраво, а когда нужно приступить к таинствам, не будем созерцать всего, как следует, а, напротив, внимание наше будет обращено на другие предметы, то от этого знания нам не будет никакой пользы...»¹.

Вообще для духовного опыта Церкви, для святоотеческого богословия чуждо понимание церковности как суммы знаний. Это больше характерно для схоластического богословия с его стремлением все систематизировать, откуда эта тенденция проникла и в нашу церковную жизнь. Внешние знания, как и вера сама по себе, недостаточны для полноты христианской жизни. По известному выражению апостола: «...и бесы веруют, и трепещут»

(Иак. 2:19), но вера их неспасительна. Святитель Игнатий Богоносец в своем Послании к римлянам просит их молитв за себя: «Только просите для меня у Бога внутренней и внешней силы, чтобы я не говорил только, но и желал, чтобы не назывался только христианином, но и был в самом деле. Если я действительно окажусь им, то могу и называться им, и только тогда могу быть истинно верным, когда мир не будет более видеть меня».² Поразительны по искренности эти слова человека, который знает, что ему предстоит мучительная и страшная смерть, но он не бежит от нее, а стремится скорее достичь ее, чтобы окончательно соединиться со Христом, при этом просит молитв, чтобы «не просто называться, а быть на самом деле» христианином.

Итак, «церковность», «воцерковленность» не могут определять внешние знания, как и Церковь являть миссионерство, духовное проповедование, образование, благотворительность, старчество и тому подобные стороны жизни Церкви на земле.

Чтобы не было недоразумений, сразу же подчеркну, что вовсе не отрицаю важного и необходимого значения всего вышеперечисленного для церковной жизни, а делаю акцент на том, что **все это не является собой Церкви, но само нуждается в воцерковлении**. Знания о Церкви, получаемые человеком, уже ставшим христианином или еще нет, не «...являются тождественными Церкви. Если эти направления не воцерковятся, они неприемлемы в качестве составляющих Церкви».³ Только правильно ответив на вопрос, что такое Церковь, можно правильно ответить и на вопрос, что такое воцерковление.

Для этого нам необходимо обратиться к Посланиям апостола Павла. В Первом послании к Коринфянам, обращаясь к христианам местной общине, он говорит: «...когда вы собираетесь в церковь...» (1 Кор. 11:18). «Для него, как и для всего раннего христианства, слова эти относятся не к храму, а к природе и цели собрания. <...> «Собраться в церковь», в понятиях раннего христианства, значит составить такое собрание, цель которого – выявить, осуществить Церковь. Это собрание евхаристическое: на нем, как его завершение и исполнение, совершается «вечеря Господня», евхаристическое «преломление хлеба»».⁴ Такое же значение Церкви мы встречаем и в других местах Посланий апостола Павла (1 Кор. 14:23), а также в Деяниях святых апостолов (Деян. 2:47; 5:11; 8:3; 11:26; 12:5).

Святитель Феофан Затворник, в частности, также подчеркивает, что «собрание в церковь» есть собрание литургическое: «Ходились в церковь не прямо на вечерю любви, а для совершения Евхаристии и причащения Святых Тайн. После сего священное действие учреждали и вечерю любви, из остатков принесенного для Бескровной Жертвы и из того, что прямо для вечери и приносилось»⁵.

Таким образом, Церковь есть евхаристическое собрание всех христиан общины. Но апостол Павел этим не ограничивается. Понимание Церкви у него получает свое дальнейшее развитие⁶. В Послании к Ефесянам он пишет, что «Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы <...> поставил Его (т.е. Христа. – А.К.) выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1:17; 22-23). Колосских христиан апостол Павел предостерегает от лжеучителей, которые, кичась своей мудростью, не держатся главы «...от которой все тело, составами и связями будучи соединяemo и скрепляемо, растет возрастом Божиим» (Кол. 2:19).

Обращаясь к коринфским христианам, он говорит: «Вы – Тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12:27). А предваряет это свое утверждение рассуждением о единстве всех членов тела: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иudeи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют *в том* нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12:12-26).

Таким образом, мы видим определенную закономерность в рассуждениях апостола Павла о природе Церкви. Для него верные являются Церковь, собираясь для Евхаристии. Только тогда отдельные «члены» христианской общины составляют единое «Тело», когда приобщаются Тела и Крови Христовых. Без Евхаристии они не могут составить единого Тела, а остаются разрозненными членами. А один никогда не составит Церкви: «Если бы все были один член, то где было бы тело?» (1 Кор. 12:19).

Здесь мы подходим к самому главному, что вытекает из рассуждений апостола Павла и что было естественным для Церкви первых веков христианства.

Понятия Церкви и Евхаристии тождественны, при этом тождественны не на символическом, а на онтологическом уровне.

Церкви нет без Евхаристии, и истинная Евхаристия может совершаться только в Церкви, которая есть «...**полнота** Наполняющего все» (Еф. 1:22). «Полнее» этой полноты в этом мире нет и быть не может, потому что Церковь не явление этого мира, не продукт человеческой истории, а явление Царства Божия во времени. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира» (Ин. 15:19). Это Христос говорит апостолам, тем, которые были плоть от плоти и кровь от крови мира сего. Вот это сокровенное, но реальное преображение, когда люди от мира сего становятся в существующей действительности причастниками пришедшего в силе Царства «не от мира сего», Царства Божия, происходит в Церкви. Церковь есть Тело Христово, но не какое-то мистическое и непостижимое, а то, которое преломляется за каждым литургическим собранием и объединяет всех воедино.

Таким утверждением апостол Павел не говорил ничего нового, а лишь напоминал христианам, как они должны воспринимать Церковь, потому что это плод Боговоплощения, от этого понимания напрямую зависит их спасение.

Святитель Николай Кавасила в XIV веке говорит о том же: «А Тайны означают и Церковь, т.к. она есть “тело Христово, а порознь члены”. <...> Церковь обозначается в Таинствах не как символами... ибо здесь неодинаковость только имени и сходство подобия, но тождество вещи, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа».⁷ Святитель Николай здесь указывает, что между природой Церкви и Евхаристии не «одинаковость имени» и не «сходство подобия», а «тождество вещи» или предмета. Под «Тайнами» или «Таинствами» он подразумевает не седмеричное или иное число таинств, а исключительно Евхаристию, что, кстати, было характерно для святых отцов и церковных писателей первого тысячелетия, а также нашло свое отражение в литургической практике⁸.

Его дальнейшие рассуждения еще более категоричны: «...Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом... то увидел бы ее не чем другим, как только Телом Господним. <...> Итак, нет ничего невероятного в том, что Церковь обозначается в Таинствах».⁹

Итак, святитель Николай ставит знак равенства между Тайнами, Евхаристией и Церковью, Телом Христовым.

Для святоотеческого богословия было чуждым и несвойственным относиться к Евхаристии, как просто одному из Таинств Церкви. Учение о седмеричности Таинств довольно позднего происхождения и на Востоке

появилось не раньше XIII века под влиянием западного богословия, с одной стороны, и как следствие трудного политического положения Византийской империи, как внешнего оплата Православия, с другой. Но на этой теме я не буду останавливаться подробно.

Для того чтобы проиллюстрировать исключительность Евхаристии в этом мире, приведу высказывания некоторых святых отцов разных эпох.

«Наше учение согласно с Евхаристиею, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает наше учение»¹⁰. Этими словами святитель Ириней Лионский утверждает, что учение Церкви евхаристично, все исповедуемое Церковью находит свое основание в Евхаристии.

Преподобный Макарий Египетский учил о необходимости Евхаристии освящать и запечатлевать все, совершающееся в Церкви: «...Если и все церковное правило будет выполнено, но таинственной Евхаристии иереем не совершено и приобщения Тела Христова не было, то по церковному уставу священнодействие не довершено и служение Таинства недостаточно».¹¹

Высказывание святителя Симеона Солунского также является показательным: «Это-то и составляет **конец всех таинств** (*выделение мое. – А.К.*), чтобы, освободившись от заблуждения и греховной нечистоты, и сделавшись чистыми (в Крещении. – А.К.) и запечатленными Христу в Святом Духе (в Миропомазании. – А.К.), мы причастились Плоти и Крови Самого Христа и тесно соединились с Ним».¹²

Завершить этот ряд (который можно продолжать и дальше) хочу фрагментом из «Церковной иерархии» святителя Дионисия Ареопагита. Он, излагая после рассмотрения Таинств Крещения и Миропомазания смысл Евхаристии, называет ее прежде всего «Таинством таинств» и затем спрашивает: почему именно она «преимущественно и исключительно называется **Таинством приобщения и собрания** (*выделение мое. – А.К.*), тогда как каждое священносовершительное действие приводит разделенные жизни наши к единовидному обожению и при богообразном сближении людей различных всем дарует общение и единение с Единым?»

И отвечает:¹³ «Потому, что **полное совершенство христианское, дающее право на участие в других священноначальственных символах, есть один из богоначальных и совершивших даров этого Таинства** (*выделение мое. – А.К.*). Ибо едва ли может быть совершено какое-либо из иерархических совершивших священнодействий, доколе Божественная Евхаристия во главе того, что совершается по чину каждого другого священнодействия, не священносовершит приведения христианина, уже просвещенного, к Единому и не утвердит совершенно бого преданным даром совершивших Тайн общения его с Богом. Итак, если каждое из иерархических священнодействий, как незавершительное, не

совершает окончательно приобщения нашего и соприведения к Единому и ради того, что не приводит к полному совершенству, не может быть названо священодействием совершившимся; если, с другой стороны, верх и глава всякого из других священодействий есть преподание просвещаемому богоначальным Тайн, то священноначальническая мудрость изобрела для него вполне достойное наименование от самых действий его»¹⁴.

Таким образом, святитель Дионисий недвусмысленно считает все Таинства (и в первую очередь Крещение и Миропомазание, потому что о них была предыдущая речь святого отца) без Евхаристии, без «Таинства Собрания» «незавершительными», несовершенными, потому что только **она одна** является «верхом и главой» всякого священодействия, так как приводит к Единому Богу и полному совершенству. Здесь уместно еще раз вспомнить приводимое выше высказывание преподобного Макария Египетского.

Поэтому совершенно справедливо говорит митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас), что если «...вера, святость, покаяние, проповедь, благотворительность, крещение, брак и т.п. не приводят в конечном счете к Евхаристии, то они не могут оставаться “Церковью”. Воцерковляет нашу святость, нашу веру и прочее только Божественная Евхаристия»¹⁵.

Итак, только одна Евхаристия является Таинством Собрания («когда вы собираетесь в церковь» (1 Кор. 11:18), т.е. это есть собрание всех вместе) и Таинством Приобщения (приводящим к Единому Богу). «Без Собрания не имеет абсолютно никакого смысла любое литургическое действие и... вся христианская жизнь, включая аскетизм,¹⁶ добродетели и прочее. Всему этому... сообщает смысл только Собрание, т.е. Божественная Евхаристия»¹⁷.

Чему же становится свидетелем и участником христианин в Евхаристическом собрании?

Во-первых, Евхаристия есть образ и реализация в настоящем будущего единства человечества в Боге. Бог воплотился для того, чтобы упразднить греховную раздробленность, всех собрать воедино. Евангелист Иоанн Богослов говорит, что «...Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин. 11:52). И Сам Господь в Первосвященнической молитве в преддверии Своих страданий молится Отцу: «...и о верующих в Меня по слову их (т.е. апостолов. – А.К.), да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин. 17, 21-24).

Христос молится не об эсхатологическом единстве, которое некогда наступит, а о воплощении будущего единства в настоящем, потому что будущее определяет настоящее. Как наступление этого единства мы читаем в Деяниях апостолов: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32). В этом выражалось переживание первыми христианами истинной природы Церкви.

Выше я уже приводил слова святителя Дионисия Ареопагита о том, что дарами Евхаристии является «полное совершенство христианское», приводящее верного к «Единому», т.е. к Богу и общению с Ним.

Преподобный Максим Исповедник дополняет святого отца. Он постоянно возвращается к образу Церкви как Тела Христова и говорит о том, что только в ней преодолевается греховное состояние раздробленности, эгоизма¹⁸ и достигается будущее единство верных в Боге. «Подобным же образом дело обстоит и со Святой Церковью Божией, поскольку Она, будучи образом Первообраза, совершает относительно нас действия, подобные делам Божиим. Ибо велико и почти неисчислимо число мужей, жен и детей, которые разнятся и сильно отличаются друг от друга родом и видом, национальностью и языком, образом жизни и возрастом, умонастроением и искусством, обычаями, нравами и навыками, знаниями и положением [в обществе], а также судьбами, характеристиками и душевными свойствами. Оказываясь же в Церкви, они возрождаются и воссозидаются Духом; она дарует и сообщает всем в равной мере единый Божественный образ и наименование – то есть быть и называться Христовыми. И еще она дарует им, в соответствии с верой, единую и простую, неделимую и нераздельную связь, которая не позволяет проявляться (даже если они и существуют) многим и бесчисленным различиям каждого, возводя всех к всеобщности и соединяя их в ней. Вследствие этого никто ничего не отделяет от общего ради себя; все срастаются и соединяются друг с другом одной простой и нераздельной благодатью и силой веры. У всех было, гласит Писание, *одно сердце и одна душа* (Деян. 4:32) – так что все суть и представляются единым Телом, состоящим из различных членов, которое подлинно достойно Самого Христа, истинной Главы нашей (Еф. 4:15)»¹⁹.

Во-вторых, в Евхаристическом собрании не только реализуется будущее единство верных в Боге, но оно является собой само Царство Божие, «пришедшее в силе». Литургия, вопреки распространенному мнению, не есть воспоминание прошедшего, но переживание жизни будущего века. «Евхаристия есть пир Агнца, на котором мы, предвосхищая второе Его славное Пришествие, пьем и едим с Ним, и Он вкушает с нами новое вино в Царствии Своем»²⁰.

Это переживание не символического, а онтологического плана. Об этом очень подробно пишет преподобный Максим Исповедник в своей «Мистагогии». Об этом свидетельствуют литургические тексты. А восприятие Евхаристии как явление Самого Христа разве оставляет возможность говорить о некоем символизме!

Митрополит Иоанн (Зизиулас) говорит: «...Эсхатология Божественной литургии, как и эсхатология воскресного дня... – это динамичное движение к будущему. <...> На ней мы пребываем в области будущего века, Царствия»²¹.

В свете вышесказанного становится понятным, почему оглашенные должны покинуть Евхаристическое собрание после определенного момента; почему только после покаяния и исправления в нем могут участвовать верные, совершившие грех «к смерти»; почему диакон возглашает «Двери, двери!» – и дальнейшее собрание проходит при закрытых дверях; почему оставшиеся непосредственно участвуют в Трапезе Господней, вкушая от нее, а не лишь присутствуют на ней. Потому что наступило Царство Божие, Царство будущего века! В нем нет места ничему нечистому или скверному, в нем только те, которые Христовы.

Теперь необходимо подвести определенный итог, исходя из всего рассмотренного выше, для того, чтобы снова возвратиться к теме церковности, воцерковления.

* * *

Церковь с апостольских времен отождествлялась с Евхаристией. «Церковь обозначается в Таинствах», – говорил святитель Николай Кавасила. Чтобы пояснить, как возможно такое «тождество вещи», он приводил в пример железо: «...Как в раскаленном железе мы обыкновенно видим не железо, но огонь, оттого, что свойства железа совершенно закрываются огнем, так если бы кто мог увидеть и Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в Плоти Его, то увидел бы ее не чем другим, как только Телом Господним»²². Отталкиваясь от его сравнения, можно провести и другую параллель: Церковь, собрание христиан, без Евхаристии уподобляется холодному железу, разъедаемому ржавчиной и ни к чему не годному. Без и вне Евхаристии нет и Церкви, даже если там и говорят все время о Христе.

Природа Церкви евхаристична, поэтому все совершающееся в ней, даже самое незначительное, получает свое освящение и совершенство только в Евхаристии. Нельзя просто креститься «в никуда», без дальнейшего участия в Литургическом собрании, как, к сожалению, у нас происходит в подавляющем большинстве случаев. Ведь епископа, священника,

диакона не рукополагают «просто так», а к конкретной церковной общине. Эта практика, как и рукоположение на литургии (в отличие от других Таинств, которые превратились в частные богослужения), сохранилась только в Таинстве Священства. Трудно себе представить, чтобы хиротония совершилась вне Евхаристии, потому что только она одна сообщает освящение и дает законную силу посвящению. Вот точно так же трудно было бы древним христианам представить себе совершение Крещения, Миропомазания, Венчания вне Евхаристического собрания. Поэтому задачей оглашения, миссионерства должно быть не приведение людей лишь к Крещению, а через купель Крещения к Чаше вечной жизни, к Трапезе в Царстве Божием. Только в этом случае будет достигнута конечная цель, совершенство, ради чего и воплотился на земле Бог.

Участие в Евхаристии не может быть единичным актом, а должно совершаться всегда, потому что «Господь всегда желает освящать и хочет всякий раз преподавать Самого Себя»²³. Мы не вправе считать Евхаристию лишь средством личного освящения, к которому мы прибегаем по собственному усмотрению, наблюдая дни и месяцы. Совершенно понятно, что подобное отношение стало возможным только тогда, когда Причащение перестало быть «Таинством Таинств», как его называет святитель Дионисий Ареопагит, а стало одним из искусственно выделенных семи Таинств. При таком положении оно стало терять свое значение. Более того, стало служить не соединению всех воедино, как собрание всех вместе, а культивировать индивидуализацию, раздробленность. Христиане одной общины могут не то что не знать друг друга по имени, но и относится с пренебрежением друг к другу, иметь взаимную обиду.

Евхаристия – это образ жизни. **Жизнь христианина может быть только евхаристична.** При таком отношении «Евхаристия перестает быть “религиозным опытом” или неким средством личного спасения и становится образом жизни, способом бытия. Бытия, одухотворенного идеалом будущего и ожиданием того, чем будет мир, когда он окончательно преобразится в Царствие Божие»²⁴. Евхаристией освящается все, начиная крещением и заканчивая погребением. Евхаристия, совершаемая в первый день недели (воскресенье), освящает всю наступающую неделю.

В этом контексте теряет смысл всякое рассуждение о частоте Причащения и подготовки к нему. Если Бог уготовляет богатейшую Трапезу и зовет Своих детей на нее, то как они могут отказаться, зная, какие величайшие Дары их ждут!²⁵ Да, собственно говоря, ради этих Безсмертных Даров и принимается Крещение. Оно является дверью, приводящей к жизни вечной и общению с Богом.

В свете всего вышесказанного можно сделать вывод, что подлинная церковность немыслима без Евхаристической жизни. Все, что не получает своего освящения в Евхаристии, не имеет жизни в вечности («не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53)). Евхаристия и есть Сама Жизнь. Следовательно, не внешние знания о жизни Церкви, не достижения в области церковного просвещения, благотворительности, не аскетическая жизнь, не красноречивое проповедничество и прочее дают человеку право именоваться церковным, а **укорененность в Евхаристии, в свете которой должно преломляться все вышеперечисленное.**

И то, что мы видим немало печальных примеров, как люди, часто причащающиеся, не являются собой образец христианина, вовсе не может служить доказательством обратного. И апостол Павел говорил своим современникам: «Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1 Кор. 11, 29-30). Но от этого ничуть не умалялось значение Евхаристии, и она не переставала быть «Таинством Таинств».

Для того чтобы не было этих отклонений, мы должны осознать подлинную природу Евхаристии, «рассуждать о Теле Господнем», воспринять Церковь не как место «религиозных услуг», где можно «удовлетворить свои духовные потребности», а как Тело Христово, объединяющее «разрозненные члены» в единый организм, как единственную дверь, дающую нам возможность войти в вечную славу грядущего Царства Божия.

---

¹ Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 10.

² Игнатий Богоносец, священномученик. Послание к Римлянам // Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988. С. 123.

³ Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Идентичность Церкви // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 34.

⁴ Шмеман Александр, прот. Евхаристия. Таинство Царства. М., 2006. С. 13.

⁵ Феофан Затворник, свт. Толкование на Первое послание к Коринфянам. <http://predanie.ru/feofan-zatvornik-svyatitel/tolkovanie-na-1-e-poslanie-k-korinfyanam/>

⁶ Церковь никогда не считала учение апостола Павла, изложенное им в Посланиях к различным церковным общинам и частным лицам, **его личным учением. Он был носителем и хранителем Предания**, полученного им непосредственно от Бога: «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал» (1 Кор. 11, 23).

⁷ Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 93.

⁸ Ектения на литургии после причащения: «Прости приимше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн, достойно благодарим Господа».

⁹ Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 93-94.

¹⁰ Ириней Лионский, свт. Творения. М., 1996. С. 365.

¹¹ Макарий Египетский, прп. Духовные беседы, послание и слова. М., 2002. С. 622.

¹² Симеон Солунский, свт. Творения. СПб., 1856. С. 72.

¹³ Этот фрагмент довольно сложен для восприятия, поэтому считаю целесообразным привести его адаптивный пересказ. «Совершенство этих Таинств (Крещения, Хиротонии и пр.) из ее (Евхаристии) даров происходит; ибо никакое иерархическое священнодействие не бывает без совершения Божественной Евхаристии, возводящей собрание к Единому, то есть к Богу. И потому каждый раз она есть цель и глава совершаемых священнодействий. Итак, если каждое из иерархических совершений без Таинств (т.е. Евхаристии) несовершенно и не может в прямом смысле называться ни священнодействием, ни приобщением к Единому, справедливо только она одна называется Собранием». *Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский*. Святое Крещение и Божественная Литургия. // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 131.

¹⁴ Дионисий Ареопагит, свт. Корпус сочинений. С толкованиями прп. Максима Исповедника. СПб., 2008. С. 333.

¹⁵ *Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский*. Божественная Евхаристия и Церковь. // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 65.

¹⁶ Обычно приводят в пример пустынников, отшельников, которые за всю свою жизнь причастились от одного до нескольких раз, но тем не менее достигли спасения. Классическим примером всегда является прп. Мария Египетская. Приведу два мнения, помогающие понять, как такое возможно. Митр. Пергамский Иоанн (Зизиулас) настаивает на том, что исключение лишь подтверждает правило. Он пишет: «...Высшим выражением единства Церкви является Евхаристия. Когда древние Соборы объявляли кого-либо еретиком, они отсекали его от евхаристического общения. И даже когда достигалось единство в вере, оно не приносило никакой пользы, если не заканчивалось Евхаристическим общением. И покаяние, и святость, к примеру, преподобной Марии Египетской не смогли бы ей помочь, если бы не завершились причащением Святых Тайн». *(Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский)*. Божественная Евхаристия и Церковь. // Церковь и Евхаристия.

Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 131-132.)

Святитель Николай Кавасила, рассуждая о том, всякий ли может приобщиться Святых Тайн, при условии правильного своего устроения, ведь «...Господь, Который освятил и совершил (его), всегда желает освящать и хочет всякий раз преподавать Самого Себя, то что может воспрепятствовать Приобщению?», говорит: «Нет!». «Не всякий, но только тот, кто, подобно душам умерших, не может приступить к ним телесно, каковы были скитавшиеся в пустынях, в горах, вертепах и расселинах земных, которым невозможно было видеть жертвенник и священника. Этих людей Сам Христос, очевидно, освящал сим освящением. Из чего это видно? Из того, что они имели жизнь в себе, а они не имели бы, если бы не приобщались сего Таинства, ибо Сам Христос сказал: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53), и в озnamенование этого ко многим из сих святых посыпал ангелов с Дарами». (Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 97-98.)

¹⁷ Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Святое Крещение и Божественная Литургия. // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 131-132.

¹⁸ Здесь необходимо помнить, что «греховое состояние раздробленности» – это не только лично приобретенное человеком состояние, но состояние вследствие грехопадения, преодолеть которое сам человек не может. Он может лишь углубить его через личное произволение, чему мы очень часто являемся свидетелями. Мы можем видеть, как тяжело реализуется единство даже на уровне двух человек, мужа и жены, не говоря уже об уровне семейном, родовом, государственном. Это еще раз подтверждает, что создание некоего «идеального общества» на этой, зараженной грехом, земле, вне Церкви Христовой, вне Его Тела, невозможно и всегда обречено на катастрофу.

¹⁹ Максим Исповедник, прп. Мистагогия// http://www.odinblago.ru/sv_otci/maksim_ispovednik/mistagogiya/

²⁰ Афанасьев Николай, протопресвитер. Трапеза Господня. К., 2003. С. 24.

²¹ Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Евхаристия и Царство Божие. // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 240, 242.

²² Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 91.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Евхаристия и Царство Божие. // Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 298.

²⁵ Часто можно слышать от людей, приходящих на литургию, что они не будут причащаться, потому что «не готовы». При этом неготовность их заключается

в том, что они не прочитали каноны, акафист и Последование, не постились принятое количество дней. То есть акцент делается на достижении некоей ритуальной чистоты перед Причащением, которая автоматически выводит человека из постоянного «недостойства» и без неприятных последствий делает его на некоторое время «достойным» Причащения. Святитель Николай Кавасила говорит: « От чего же зависит освящение (Святыми Дарами. – А.К.): от того ли, что мы имеем тело, что приходим ногами к Трапезе, что берем руками Святые (Дары), что принимаем их устами, что едим и пьем? (Продолжаем дальше: оттого что прочитали каноны и акафист, оттого что постились. – А.К.). Нет, ибо многие, у которых все это было и которые таким образом приступали к Таинствам, не получили от того никакой пользы и отошли, подвергшись большему злу. Так что же бывает причиной освящения для освящаемых? И чего требует от нас Христос? **Это чистота души, любовь к Богу, вера, желание Таинства, ревность ко Причащению, горячее усердие и то, чтобы мы приходили с жаждою** (выделение мое. – А.К.)» (Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003. С. 97.)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1989.
2. Дионисий Ареопагит, свт. Корпус сочинений. С толкованиями прп. Максима Исповедника. СПб., 2008.
3. Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009.
4. Ириней Лионский, свт. Творения. М., 1996.
5. Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 2010.
6. Макарий Египетский, прп. Духовные беседы, послание и слова. М., 2002.
7. Максим Исповедник, прп. Мистагогия// http://www.odinblago.ru/sv_otci/maksim_ispovednik/mistagogiya/
8. Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникийский. Изъяснение Божественной Литургии. К., 2003.
9. Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988.
10. Симеон Солунский, свт. Творения. СПб., 1856.
11. Феофан Затворник, свт. Толкование на Первое послание к Коринфянам//<http://predanie.ru/feofan-zatvornik-svyatitel/tolkovanie-na-1-e-poslanie-k-korinfyanam/>
12. Шмеман Александр, прот. Евхаристия. Таинство Царства. М., 2006.